КОМУ ЖИТЬ ВЕСЕЛѢЕ: ПЬЯНОМУ, АЛЬ ТРЕЗВОМУ?

Поглядите–ка ребята, на горемыку безталаннаго, на Сидорку Долгопятаго, котораго сами однокашники прозвали *мокрымъ*, поглядите на этого Сидорку мокраго, какое ему житье? Люди въ церковь, онъ въ кабакъ; люди за дѣло, онъ за стаканъ да за стклянницу; что день у Господа, то у Сидора праздникъ и веселье; что вырвется изъ казармы, то ужъ фельдфебель и наряжаетъ двоихъ въ обходъ за нимъ, по кабакамъ, и домой ведутъ его подъ–руки, либо на рукахъ несутъ. Видно, знатный онъ баринъ что за нимъ такъ ухаживаютъ: со двора идетъ онъ пѣшкомъ, а домой не случалось ему приходить на своихъ ногахъ; либо несутъ, говорю, либо волокутъ. И рѣдко прогуливается онъ одинъ: коли куда отпустятъ его изъ казармъ, то вѣстовой за нимъ ходитъ, словно за ротнымъ

командиромъ. Оборванъ Сидорка нашъ съ воротника до самыхъ закаблучьевъ; обуться ему не во что: какъ только дачу, товаръ возьметъ, то подъ мышку его да и пробирается подъ заборомъ, туда, гдѣ доска надъ дверьми повѣшена; и холстъ рубашечный — и порточный — всему одна дорога! Нѣтъ поживы отъ Сидорки мокраго ни сапожнику, ни портному, ни солдатскимъ женамъ, что рубахи шьютъ, и самъ онъ иглы въ рукахъ не держалъ, а все только держится за стекло!

За то чего ему не достанется? рѣдкую недѣлю живетъ онъ не битый, рѣдкій день не ходитъ подъ карауломъ. Въ кабакѣ ему бока отомнутъ, тутъ пришлютъ за нимъ изъ казармъ двоихъ, и эти таки подзатыльниковъ ему надаютъ, и имъ онъ надоѣлъ давно; капральный приметъ его, да поучитъ; тамъ опять–таки фельдфебель до него доберется, а на другой день, какъ проспится ротный командиръ зоветъ на раздѣлку, — житье нашему Сидору, да и только!

А товарищи? да и товарищи его честятъ да жалуютъ по заслугамъ; въ казармѣ нѣтъ ему прохода, нѣтъ мѣста; къ кому ни подойди, либо гонитъ, либо трунитъ надъ нимъ да подымаетъ на–смѣхъ: Отойди, мокрый; люди сказываютъ, на которой койкѣ ты посидишь та опьянѣетъ; трои сутки на ногахъ не стоитъ, качается! Поди, мокрый, просушись у печки, да къ огню не больно близко подходи, загоришься, чай, словно шкальчикъ! Что не женишься, Сидорка, носилъ бы, да носилъ женины рубахи, все лучше чѣмъ ходить нагишомъ!

Чтожъ вы думаете, люди добрые, какой ему будетъ конецъ, мокрому Сидоркѣ? А вотъ какой: Не стало у него своего добра, все перетаскалъ подъ орликъ, принялся онъ за чужое. Попался онъ разъ, какъ укралъ сапоги у товарища; попался въ другой, какъ унесъ гривенникъ; попался и въ третій какъ пропилъ казенную амуницію — отдали его подъ судъ, прогулялся онъ по зеленой улицѣ; служба его пропала, отставки ему нѣтъ. Сталъ съ горя пить пуще прежняго и зналъ только двѣ квартиры: либо подъ

карауломъ сидѣтъ, либо въ кабакѣ; а объ Рождествѣ, обрадовавшись празднику, свалился подъ заборомъ, да уже и не всталъ: изъ–подъ забора попалъ онъ прямо въ мертвый покой, въ госпиталь; тамъ его и потрошили, и нашли въ немъ одну водку, словно въ бочкѣ винной, — и схоронили въ тихомолку. Не пошли товарищи провожать его, не хлопоталъ по немъ никто и креста православнаго поставить на могилѣ некому! И покойнику не было добраго помину: какъ вспомянетъ кто Сидорку мокраго, то и говоритъ: собакѣ собачья смерть; не хотѣлъ жить по–людски, такъ не по–людски и умеръ!

Укажите жъ мнѣ, ребята, хоть одного пьяницу, да чтобы былъ онъ путный солдатъ, и жить и служить было ему хорошо! Знаю я, что есть храбрые, исправные солдаты, которые до поры до времени капли въ ротъ не берутъ, служатъ лихо, а какъ чортъ попутаетъ, такъ пошелъ кутить на цѣлую недѣлю, на двѣ, поколѣ опять не опамятуется снова, да не очнется; тамъ опять зарокъ положитъ и не пьетъ, и

молодецъ хоть куда, поколѣ снова дурь не одолѣетъ; да вѣдь этакой молодецъ былъ бы и вдвое хорошъ и за троихъ пригожъ, кабы его разъ, либо два, въ году чарка не била, кабы онъ запою не зналъ, а былъ бы одинъ и тотъ же круглый годъ. Ну можно ли начальнику повѣрить да положиться на солдата, который хорошъ и исправенъ, поколѣ не соблазнится; а какъ вдругъ, ни съ того ни съ другаго, ухватился за чарку, такъ хоть на цѣпь сажай; можно ли его куда отпустить, можно ли ему поручить дѣло, можно ли производить его въ чины? Нельзя; того и гляди опозоритъ и того, кто повѣритъ ему; а надо держать его въ черномъ тѣлѣ, на ряду съ самымъ негоднымъ и ледящимъ.

Зналъ я такого солдата и звали его Набоковымъ. Онъ былъ отданъ изъ господскихъ людей, помѣщика Кожина, за то, что перебилъ, пьяный, всѣ окна у двухъ сосѣдей, да стащилъ на улицѣ откупщика съ дрожекъ. Набоковъ служилъ у барина своего кучеромъ; жить ему было, какъ самъ онъ и нынѣ говоритъ, хорошо; баринъ

добрый, и въ семь лѣтъ службы своей, Набоковъ не видалъ отъ него худаго слова, не только побоевъ, да и не за что, правду сказать, было. Набоковъ охотникъ былъ до коней, ходилъ за ними чисто, сбрую и упряжъ держалъ въ порядкѣ, ѣздилъ лихо, да еще и самоучкой сталъ коноваломъ и шорникомъ, такимъ, какихъ и ученыхъ найдешь не много. Отдалъ баринъ за него хорошую дѣвку, какую самъ Набоковъ пожелалъ, и были уже у него ребятишки. Чего бы, кажись, болѣ? да и самъ онъ, Набоковъ, и тогда сказывалъ и нынѣ тоже говоритъ, что лучшаго житья не надо: работа посильная и не постылая, потому–что самъ онъ охочъ былъ до лошадей; хозяйка добрая и хорошая, одежда щегольская, сытъ бывалъ завсегда и деньженками баринъ дарилъ его, бывало, и къ Святой и къ Рождеству, да еще и объ имянинахъ своихъ, въ зимняго Николу. Ну, пріѣхалъ баринъ какъ–то разъ въ Москву. Набоковъ тамъ столкнулся съ другими кучерами — они и давай его подчивать. «Не пью я этого добра» сказалъ Набоковъ, «и

родясь его въ ротъ не бралъ». «Такъ отвѣдай!» стали уговаривать его кучера; «не честно, братъ, тебѣ отнѣкиваться, коли добрые люди подносятъ; выпей–ка хоть одну, а тамъ неволить не станемъ, какъ знаешь.» Выпилъ онъ — крякнулъ и утерся полою; тамъ пристали къ нему и съ другою, тамъ поднесли третью — и напоили нашего Набокова. Пришелъ онъ домой, пожурилъ его баринъ крѣпко, и всякую правду ему говорилъ. Набоковъ зарекся: «не стану пить впередъ ни за что!» А и самъ онъ видѣлъ, что дѣло оно поганое, да опять сошелся съ пріятелями, и опять–таки напился. Съ той поры бѣдный Набоковъ пропалъ; не пьетъ мѣсяцъ, другой, третій, и въ ротъ ничего не беретъ; а какъ пойдетъ гулять, то и пропадаетъ двѣ, три недѣли; а какъ запилъ, то и святыхъ вонъ вынеси: нѣтъ ему ни святаго, ни честнаго; въ драку лѣзетъ со всякимъ, кого ни встрѣтитъ, и буянитъ не хуже самого Ваньки Каина. Какъ проспится, самъ плачется на себя, не помнитъ что и дѣлалъ, — да пособить горю не чѣмъ. Баринъ не билъ его, не

наказывалъ, а только усовѣщивалъ стыдомъ да уговаривалъ. Бывало, журитъ, журитъ его, да спроситъ: «какъ ты Бога, да честныхъ людей не боишься, Набоковъ!» А тотъ въ отвѣтъ: «Охъ сударь, одну выпьешь — боишься; другую выпьешь — боишься, а какъ третью выпьешь — и не боишься!» Наконецъ, видитъ баринъ, что проку нѣтъ, и небудетъ. Набоковъ какъ запьетъ запоемъ, то буянитъ ни въ ладъ, ни въ мѣру. Баринъ самъ заплакалъ наконецъ, и барыня тоже крѣпко жалѣла, да рѣшились, дѣлать нечего, отдать Набокова въ солдаты. Тутъ онъ, покинувъ и господъ хорошихъ, и жену, и дѣтей, и привольное житье, сперва–было опамятовался, года съ три подержался; а какъ онъ служилъ въ гусарахъ, былъ молодецъ собою и грамотенъ, ѣздилъ на конѣ славно, умѣлъ обойтись со всякою лошадью и выѣздить хоть самую норовистую, то его было скоро произвели и въ унтера. Да на долго ли? Лихая бѣда одолѣла снова: разъ, либо два въ годъ Набоковъ пойдетъ пить запоемъ. Начальство терпѣло разъ, и другой, а тамъ

и разжаловали Набокова опять въ рядовые и поставили его на одну доску съ ледящими пьянюгами, съ послѣднимъ человѣкомъ въ полку. Пропало доброе имя и слава и служба его, пропало и молодечество, пропало все! Сгинулъ и самъ онъ ни за грошъ и не было по немъ честнаго помину!

Купи вина, коли хочешь купить горе на свои деньги.

****

Хмѣль — дурь продажная; кому надо купитъ.

У трезваго своя голова, у пьянаго чужая; а отвѣчаетъ одна.

****

Безъ вина одно горе, а съ виномъ старое одно, да новыхъ два: и

пьянъ и битъ.

****

Одну чарку пей, за другою руки не протягивай, отъ третьей отворачивайся, а отъ четвертой бѣги не оглядывайся.